

... Идиот

Опубликовано 31.05.2021 12:04



В мае 1855 года в маленьком уездном Кузнецке появилась примечательная новая жительница, которой было суждено вписать своё имя в русскую да и мировую литературу... «Эта дама, ещё молодая, 28 лет, хорошенькая, очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна, с превосходным, великодушным сердцем» , – писал о ней виновник почти скандальной, приятно будоражащей истории, приключившейся в нашем городе 165 лет назад.

Он, 34-летний Фёдор Достоевский, правду сказать, в то время был очень влюблён. А она? Кажется, увлечена учителем своего сына Павла? О! Будущая мировая знаменитость и гений терзался неистовой ревностью и впадал в самое мрачное отчаяние.

А она... В письмах к нему восторгалась «высокой душой» этого проклятого, проклятого, проклятого Вергунова!

Любила ли Мария Дмитриевна Фёдора Михайловича? Жалела? Восхищалась? Гордилась, что он выбрал именно её?

Кто же это доподлинно знает! А если...

Молодая дама, недавно овдовевшая, в чёрном платье простого и изящного фасона, с тёмно-русскими волосами, убранными просто, по-домашнему, с тёмными сверкающими глазами и задумчивым лбом, со страстным и как бы высокомерным выражением худого бледного лица, сжала тонкими пальцами голову ничем не примечательного моложавого и мешковатого, по виду очень приличного молодого человека.



«Мой милый, хороший, добрый, – несколько экзальтированно воскликнула дама в чёрном, – Ты должен отдать меня ему, не ради него, а ради русской литературы! Он несчастный, бедный, он великий! Он нуждается во мне, а иначе просто не сможет писать».

Молодой человек, лет двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше среднего, очень белокурый и густоволосый, со впалыми щеками и с лёгонькою, востренькою, почти совершенно белою бородкой скривился будто беззвучным плачем. Глаза его были большие, голубые и пристальные, а лицо приятное, тонкое и сухое, но бесцветное. Одет он был в довольно приличный и ловко сшитый, хотя и поношенный уже пиджак. По жилету шла стальная цепочка.

Тихим голосом, звучащим жалобой и нежным упрёком, молодой человек произнёс: «Маша, это невозможно, невысказано!».

Хрупкая, восторженная Маша – Мария Дмитриевна – чрезвычайно разволновалась, отчего рваные красные розы начинающейся чахотки покрыли её щёки, в начале которых, под глазами, были две страдающие

«косточки-точки», любимые и родные для молодого человека, приходского учителя Вергунова, бывшего женихом роковой женщины.

«Так что ж что невозможно? – воскликнула она с надрывом, – Мы должны принести эту жертву во имя его будущих романов!»

Николай Борисович покорно вздохнул.

«Говорят, он уже здесь, – тоскливо произнёс блондин.

«Примчался, бросив всё, – странным тоном подтвердила нервная Маша.

О приезде Достоевского говорил весь город. Появление в обществе свежего человека было сравнимо со звёздным полётом хвостатой кометы – предвестницы невозможных несчастий. Только всё-таки лучше несчастья – чем тоскливое «ничего». Тем более эта новая персона – совершенно «non grata». Бывший каторжанин, прапорщик да ещё и писатель – в общем, с ума сойти!

Хлопоты по устройству этого брака взяла на себя приятельница Марии Дмитриевны, жена исправника, богача и хлебосола Анна Николаевна Катанаева. Свадьба, на которую явилось всё лучшее городское общество, вышла пышной. Обычно мрачный и необщительный Фёдор Михайлович был в весёлом расположении духа, шутил, смеялся. Хоть и мучился от ревности к тихому учителю Вергунову, бывшему Машиному жениху, ставшего его шафером.

Достоевский даже ожидал или бегства невесты из-под венца, или непоправимого поступка Николая Борисовича, который мог увезти её и погубить!

Уж очень это было в духе автора будущего «Идиота» – достаточно вспомнить сцену венчания князя Мышкина с Настасьей Филипповной.

После венчания молодожёны провели в нынешнем Новокузнецке, тогда называвшемся Кузнецком, чуть больше недели. Фёдора Михайловича нередко видели в военном плаще, гуляющим по городским улицам вместе с

Марией Дмитриевной. Он часто посещал венчавшего их священника Тюменцева. А когда в обществе устраивались карты, он не отказывался принять участие в игре, выигрывая или проигрывая, как и другие.

Почему-то влюблённые – а влюблённые ли?! – были вместе совсем недолго. Как только с писателя сняли опалу, супруги жили, в основном, отдельно, не только в разных домах, но порой и в разных городах. А спустя семь лет после вышеописанной фантастичной сцены Мария Дмитриевна скончалась от чахотки. Её короткая жизнь с великим русским писателем не была счастливой, но она стала прообразом многих его героинь.

А перед самой смертью к ней приехал верный «князь Мышкин» – Вергунов. Она была без денег – Достоевский опять проигрался. До неузнаваемости исхудавшая. Задыхающаяся. Умирала, оставленная мужем, у которого за границей бурно развивался роман с инфернальной Апполинарией Суловой, который вспыхнул вместо давно померкнувшего «грозного чувства» к Марии Дмитриевне.

О чём говорила учителю Маша с двумя родными точками под глазами, ставшими ещё глубже? В чём ей клялся пожертвовавший своим счастьем бывший жених? Это тайна. Да и правда ли, что была та встреча – у постели умирающей любимой? Может, это просто красивая легенда.

А от Одигитриевской церкви с высокими светлыми залами и раскидистыми деревьями у ворот, где венчался первым своим браком великий русский писатель, сегодня не осталось и камешка. Она сгорела больше века назад в охватившем всю страну пожаре гражданской войны.

Николая Борисовича Вергунова, вернувшегося после прощания с Машей в Кузнецк, похоронили на старинном городском кладбище, которое во время той же гражданской войны осквернили бандиты Рогова. Роговцы гадили прямо на могильные плиты, выворачивали их тыльной стороной вверх, гуляли в стоявшей на этой земле Успенской церкви.

А через два десятка лет уже советские строители коммунизма и Новокузнецка, съехавшиеся в город со всей страны, устроили на Кузнецком

кладбище зону отдыха и разбили здесь сад. Что ж! Не такой уж плохой финал для «книжной» истории любви.

Инна Ким

NK-TV.COM